

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.4

EDN UGASPA

**Добровольная бездетность: отношение и оценка
в общественном сознании дагестанского населения****Эльвира М. Загирова¹**¹Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия,

e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Аннотация

Введение. Движение добровольной бездетности (чайлдфри) появилось в западном обществе как результат кризиса традиционной семьи и утраты ею своих базовых функций. Несмотря на существование когорты, которой ближе модель демографического поведения в форме сознательного отказа иметь детей, в недавнем прошлом она не имела широкого распространения в российском обществе. Ухудшение социально-экономической ситуации в России, снижение качества оказываемых государством в сфере образования и медицинского обслуживания услуг, игнорирование базовых положений семейной политики выразились в изменении репродуктивного поведения российского населения, уменьшении рождаемости при росте смертности. Среди множества деструктивных явлений в демографической сфере особое место занимает добровольная бездетность, тревогу вызывает ее пропаганда среди подрастающего поколения, что актуализирует необходимость осмысления природы данного явления и установления существующей в общественном сознании дагестанского населения оценки.

Теоретическое обоснование. В современной западной и отечественной науке большое внимание уделяется исследованию добровольной бездетности, ее природы, причин распространения. Осознанный отказ иметь детей способствует уменьшению численности населения, которое отражается на национальной безопасности Российского государства в виде нехватки человеческого капитала во всех социальных сферах (политической, военной, культурной и т.д.). Российские исследователи добровольную бездетность рассматривают как закономерный результат экономического кризиса, который повлиял на материальное благосостояние семьи при отсутствии комплексной семейной государственной политики. Преобразования кардинально изменили ценностно-символическую систему, и для россиян приоритетными стали материальное благополучие, карьерный успех, сохранение личной свободы и нежелание нести ответственность за партнера, которые выражаются в отсутствии потребности иметь детей.

Методы. Предметом исследования выступает добровольная бездетность и ее оценка дагестанским населением. Проблема чайлдфри была затронута в рамках изучения демографического поведения дагестанского населения. Социологический опрос проведен в 2023 г. в городах (Дербент, Кизляр, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Левашинский, Хасавюртовский) Дагестана ($N = 529$). Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом: а) пол: мужчины 249 чел. (47,1%), женщины – 280 чел. (52,9%); б) возраст: 18–25 лет – 134 чел. (25,3%), 26–35 лет – 149 чел. (28,2%), 36–50 лет – 128 чел. (24,2%), старше 50 лет – 118 чел. (22,3%); в) семейное положение: замужем/женат – 271 чел. (51,2%); разведен(-а) – 101 чел. (19,1%); холост (не замужем) – 157 чел. (29,7%) г) образование: среднее – 192 чел. (36,3%), среднее специальное – 171 чел. (32,3%), высшее – 166 чел. (31,4%); д) отношение к религии: верующий – 458 чел. (86,5%), неверующий – 12 чел. (2,3%), колеблющийся – 59 чел. (11,2%).

Результаты и их обсуждение. Исторически дагестанская семья была многодетной, соответственно, высокая рождаемость и ориентация на большую семью считались нормой в демографическом поведении населения. Характерные для российской семьи в целом негативные тенденции, которые были обусловлены объективными причинами, не обошли и дагестанскую семью: распространение получила исторически не характерная форма брачного союза – полигамия, увеличилось количество разводов, появились иные формы гендерных взаимоотношений, которые естественно, выразились в ориентации на малодетную семью.

Основные положения.

Эмпирический материал показывает доминирование когорты дагестанского населения, которая негативно характеризует чайлдфри с аргументацией ключевой функции института семьи как наличия детей. Одновременно с отрицательной характеристикой данного типа семейного поведения в обще-

ственном сознании имеет место и положительная оценка добровольной бездетности, аргументируемая тем, что это «личное дело каждой семьи».

Причинами добровольной бездетности выступает целый спектр нерешенных социальных вопросов, с которыми сталкивается семья: низкий уровень материального обеспечения, отсутствие шаговой доступности дошкольных и школьных учреждений, низкий уровень образовательных и медицинских услуг, неуверенность опрошенного дагестанского населения в собственном материальном и психологическом потенциале, отсутствие перспектив для детей.

Результаты исследования показывают существование явно выраженного гендерного отличия при оценке добровольной бездетности: среди женщин, по сравнению с мужчинами, больше позитивно воспринимающих чайлдфри. Процентное превалирование в подмассиве женщин обусловлено большей ответственностью их за будущее детей, осознанием важности и сложности роли матери.

В массовом сознании опрошенного дагестанского населения имеет место осуждение добровольной бездетности женщины. Аналитика по социально-демографическим параметрам показывает, что на неприятие чайлдфри в поведении женщины заметное влияние оказывает социальный статус и отношение к религии респондентов: в поведении связанных брачными узами и идентифицирующих себя как верующие больше порицающих такую модель поведения.

Ключевые слова: добровольная бездетность; чайлдфри; дагестанская семья; демографическое поведение; семейная политика; карьерная семья; дети; супруги; семейные ценности; гендер.

Для цитирования: Загирова Э.М. (2023). Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 41–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4>

Voluntary childlessness: attitude and assessment in the public consciousness of the Dagestani population

Elvira M. Zagirova¹

¹Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre
of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Abstract

Introduction. The movement of voluntary childlessness (childfree) appeared in Western society as a result of the crisis of the traditional family and its loss of its basic functions. Despite the existence of a cohort that is closer to the model of demographic behavior in the form of conscious refusal to have children, in the recent past it has not been widely used in Russian society. The socio-economic disadvantage of the post-Soviet period and its preservation over a long period naturally affected childbearing, changes in the rate of reproduction of the population, a decrease in the birth rate with an increase in mortality. Among the many destructive phenomena in the demographic sphere, voluntary childlessness occupies a special place, its propaganda among the younger generation is alarming, which actualizes the need to comprehend the nature of this phenomenon and establish the assessment existing in the public consciousness of the Dagestani population.

Theoretical justification. In modern Western and domestic science, much attention is paid to the study of voluntary childlessness, its nature, and the causes of its spread. The deliberate refusal to have children contributes to a decrease in the population, which naturally affects the national security of the Russian state as a lack of human capital in all social spheres (political, military, cultural, etc.). Russian researchers consider voluntary childlessness as a natural result of the economic crisis, which affected the material well-being of the family in the absence of a comprehensive family state policy. The study states the priority of the material component in the attitudes of respondents, they see the achievement of a high level of well-being in a good career. The hierarchy of life principles, in which the factor of material well-being prevails, is capable of leveling other values, in particular, the value of the family, the consequences of which negatively affect the demographic situation and changes in reproductive behavior.

Methods. The subject of the study is voluntary childlessness and its assessment by the Dagestani population. The problem of childfree was touched upon as part of the study of the demographic behavior of the Dagestani population. The sociological survey was conducted in 2023 in the cities (Derbent, Kizlyar, Makhachkala, Khasavyurt) and districts (Botlikh, Derbent, Levashinsky, Khasavyurt) of Dagestan ($N = 529$). The research method is a mass standardized survey. The distribution by socio-demographic parameters of respondents is as follows: a) gender: 249 men (47,1%), 280 women (52,9%); b) age: 18–25 years – 134 people (25,3%), 26–35 years – 149 people (28,2%), 36–50 years – 128 people (24,2%), over 50 years of age – 118 people (22,3%); c) marital status: married – 271 people (51,2%); divorced – 101 people (19,1%); single (not married) –

157 people (29,7%) d) education: secondary – 192 people (36,3%), specialized secondary – 171 people (32,3%), higher – 166 people (31,4%); e) attitude to religion: believer – 458 people (86,5%), unbeliever – 12 people (2,3%), hesitant – 59 people (11,2%).

Results and its discussion. Historically, the Dagestan family had many children, respectively, a high birth rate and orientation to a large family were considered the norm in the demographic behavior of the population. The negative trends characteristic of the Russian family as a whole, which were due to objective reasons, did not bypass the Dagestan family either: polygamy, a historically unusual form of marriage union, became widespread, the number of divorces increased, and other forms of gender relations, which naturally expressed themselves in orientation towards a small family.

The main provisions.

Empirical material shows the dominance of the cohort of the Dagestani population, which negatively characterizes childfree with the argumentation of the key function of the institution of the family to have children. Simultaneously with the negative characterization of this type of family behavior, there is also a positive assessment of voluntary childlessness in the public consciousness of respondents, considering procreation as a “personal matter of each family”.

The reasons for voluntary childlessness are a whole range of unresolved social issues faced by the family: low level of financial situation, lack of walking distance to preschool and school institutions, low level of educational and medical services, uncertainty of the surveyed Dagestani population in their own material and psychological potential, lack of prospects for children.

The results of the study show the existence of a pronounced gender difference in the assessment of voluntary childlessness: among women, compared with men, there are more positive perceptions of childfree. The percentage prevalence in the sub-group of women is due to their greater responsibility for the future of their children, awareness of the importance and complexity of the role of the mother.

In the mass consciousness of the surveyed Dagestani population, there is condemnation of the voluntary childlessness of a woman. Analysis of socio-demographic parameters shows that the rejection of childfree in a woman's behavior is significantly influenced by the social status and attitude to religion of respondents: in the behavior of those who are married and identify as believers, in comparison, more disapprove of such a model of behavior.

Keywords: voluntary childlessness, childfree; Dagestan family; demographic behavior; family policy; career family; children; spouses; family values; gender.

For citation: Zagirova E.M. (2023). Voluntary childlessness: attitude and assessment in the public consciousness of the Dagestani population. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 41–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4>

Введение

Фамилисты отмечают тесную взаимосвязанность и взаимовлияние процессов, которые протекают в разных социальных сферах, и констатируют преобразования в институте семьи в соответствии с протекающими процессами «в истории, обществе, и это неизбежно. Меняется мир, отношения между людьми, меняется отношение к семье. Но, несомненно, остаются главные жизненные ценности, такие как семья, дети...» (Бичарова, Морозова, 2016, 8). К изменениям в институте семьи можно отнести распространение, более того, и предпочтительность «гражданского брака», т.е. совместного проживания и ведения общего быта мужчиной и женщиной, которые в законодательном аспекте не предусматривают каких-либо обязательств друг перед другом. Нахождение в гражданском браке партнеры мотивируют «желанием узнать друг друга поближе», «проверкой отношений», эмоциональными переживаниями (любовь) и т.д. По нашему мнению, приведенные выше причины вряд ли имеют под собой веские основания. Иными словами, гражданский брак есть сожительство, в русле модернистского направления его рассматривают как «закономерный результат эволюции брачного поведения, расширение границ личной свободы, способствующее появлению новых форм семейных отношений и социальных норм» (Лактюхина, Антонов, 2015, 84).

Изменение в современном обществе понимания содержания института семьи выражается в трансформации тесно связанных с ней явлений, в частности гендера и гендерной принадлежности. Примером является широкое обсуждение вопроса гендерной принадлежности человека, и, к сожалению, под лозунгами толерантности навязывается искусственное и выдуманное представление о множественности гендеров, пропа-

гандируются ценности нетрадиционной сексуальной ориентации, и в данный процесс вовлечены дети, которые в силу возраста не способны понимать и иметь собственную точку зрения на те или иные идеи. Особую тревогу вызывает навязывание таких идей подрастающему поколению, что мы видим на примере западных государств, когда в детских учебных заведениях организуют встречи с носителями нетрадиционной сексуальной ориентации. Не менее чудовищной является пропаганда среди детей допустимости менять пол: фиксируется свобода такого выбора для детей, даже без извещения об этом родителей. Многие «новшества» во взаимоотношениях полов, провозглашение гендерной множественности в западных странах и т.д., на первый взгляд, не угрожают традиционной семье, семейным ценностям, не будут влиять на репродуктивные установки. К сожалению, реалии свидетельствуют об изменении демографического поведения россиян. И на фоне такой картины с целью препятствования распространению в нашем обществе деструктивного восприятия репродуктивной функции семьи были приняты законодательные акты о запрете ЛГБТ-пропаганды среди подростков. По нашему мнению, акцентирование властью внимания на таких явлениях, видимо, свидетельствует о понимании ответственными лицами негативных последствий для эмоционального и психического здоровья подрастающего поколения, которое есть будущее России. Отрицательное влияние на воспроизводство населения в современном российском обществе имеет увеличение масштабов асоциального поведения (наркомания, алкоголизм, игромания), ранний сексуальный опыт, концепт добровольной бездетности, который в западной науке получил названия «чайлдфри» (не желающие иметь детей) и «чайлдхейт» (ненавидящие детей). Естественно, что все эти тенденции отражаются на демографической сфере, провоцируют снижение рождаемости, утрату семейных ценностей, доминирование сожительства над официально заключенным брачным союзом. Таким образом, не вызывает сомнения, что в семейно-брачной сфере происходят далеко не позитивные преобразования, появляются новые модели семейного поведения, и одной из них является добровольная бездетность, или чайлдфри.

Следует отметить, что в традиционном дагестанском обществе изначально не допускалось появление такой формы семейного поведения, ибо рождение детей считалось важнейшей функцией семьи. Соответственно, добровольная бездетность не представляла интерес для дагестанских этнографов. На фоне преобразований постсоветского периода многие вопросы стали предметом научного анализа. В частности, внимание специалистов привлекла добровольная бездетность, которая, по нашему мнению, является деструктивным явлением. Среди фундаментальных исследований демографической проблемы, различных ее аспектов, репродуктивного поведения, трансформации семейных ценностей и отношений, доминирующего в современной России типа семьи необходимо отметить труды А.В. Верещагиной (Верещагина, 2012; Верещагина, 2014; Верещагина, 2016), А.И. Антонова (Антонов, 1996; Антонов, 1998; Антонов, 2014), В.Н. Архангельского (Архангельский, 2013; Архангельский, 2015), А.Г. Вишневого (Вишневский, 2006), С.И. Голода (Голод, 1996; Голод, 2008), М.А. Клупта (Клупт, 2014).

Исследование Аналитического центра НАФИ (2020 г.) показывает демографическое поведение россиян: «почти половина россиян молодого и среднего возраста (46% опрошенных в возрасте от 18 до 45 лет) не намерены заводить детей, мотивируя это неустойчивым материальным положением или **отсутствием такого желания** (выделено нами. – Э.З.)... Среди тех, кто не планирует заводить детей, женщин больше, чем мужчин (51% против 41%)» (Исследование: почти половина россиян..., 2023). Иными словами, сама идеология чайлдфри в большинстве случаев привлекает внимание именно молодежи, у которых пока еще нет четких сформулированных взглядов на брачно-семейные отношения, а то, что уже есть на данный момент, может быть легко

испорчено «красивой историей» представителей чайлдфри, вещающих о том, как хорошо без детей и забот жить для себя. «Явление чайлдфри, наряду с другими модными трендами, такими как гражданский брак, однополый брак, гостевой брак, становится нормальным явлением, успешно находящим все новых сторонников и приверженцев этой идеологии в кругах современной молодежи» (Бичарова, Морозова, 2016, 7).

Об актуальности проблемы чайлдфри в нашем обществе свидетельствует внесение в Государственную Думу России законопроекта, запрещающего пропаганду идей чайлдфри среди подрастающего поколения. В пояснении к данному проекту внимание акцентируется на том, что «сторонники идеологии “чайлдфри” распространяют идеи, формирующие основу деструктивного социального поведения, базирующегося на добровольном отказе от рождения детей, что идет вразрез с традиционными семейными ценностями и государственной политикой Российской Федерации» (Проект закона..., 2023).

Что такое чайлдфри? По мнению О.Г. Исуповой, «буквальный перевод этого слова – “свободные от детей” – то есть люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них при этом не рождались дети. Причем – не рождались не в данный период жизни, а вообще никогда» (Исупова, 2010). Иными словами, чайлдфри подразумевает, «во-первых, людей, которые не имеют детей по причине бесплодия; во-вторых, это люди, которые заявляют, что отсутствие детей – это их свободный и обдуманный выбор. Для России характерно понимание чайлдфри только во втором смысле» (Романова, 2014, 89), т.е. «население становится все менее семейным и все менее заинтересованным в повышении рождаемости и устранении угрозы депопуляции. Отсюда центральной проблемой просемейной политики становится фактический внесемейный настрой населения, его безразличие по отношению к фамилистическим и наталистическим призывам инициаторов стимулирующей рождаемость политики государства» (Антонов, 2014, 71).

Явление чайлдфри в отечественной науке активно разрабатывается в исследованиях Ю.А. Антоновой (Антонова, 2013), М.М. Бичаровой и О.В. Пиценко (Бичарова, Пиценко, 2013), С.М. Вильдановой (Вильданова, Граничная, Мингалиева, Салахиева, 2017), Л.А. Грицай (Грицай, 2013), М.В. Казачихиной (Казачихина, 2014), М.А. Полутовой и О.О. Жанбаз (Полутова, Жанбаз, 2015); в зарубежной можно отметить Дж.Э. Виверс (Veervers, 1980), Л. Чанси (Chancey, 2009) и Дж. Мур (Moore, 2015). Также следует отметить, что в западной науке, в частности в английской, имеет место различное восприятие содержания понятия «чайлдфри». Так, российские исследователи определяют *without children* (без детей), *childless* (бездетный), *nonmother* (не мать) как «отклонение от установленной нормы, то есть не существует терминологической единицы, которая подразумевает равноправие между выбором становиться или не становиться матерью» (Григорьева, Дюпра-Куштанина, Чубарова, Яковлева, 2012, 13).

Методы исследования

Эмпирическую базу составляет авторский социологический опрос по изучению демографического поведения дагестанского населения. Опрос проведен в 2023 г. в городах и районах Республики Дагестан ($N = 529$). Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом: а) пол: мужчины – 249 чел. (47,1%), женщины – 280 чел. (52,9%); б) возраст: 18–25 лет – 134 чел. (25,3%), 26–35 лет – 149 чел. (28,2%), 36–50 лет – 128 чел. (24,2%), старше 50 лет – 118 чел. (22,3%); в) семейное положение: замужем/женат – 271 чел. (51,2%); разведен(-а) – 101 чел. (19,1%); холост (не замужем) – 157 чел. (29,7%) г) образование: среднее – 192 чел. (36,3%), среднее специальное – 171 чел. (32,3%), высшее – 166 чел.

(31,4%); д) отношение к религии: верующий – 458 чел. (86,5%), неверующий – 12 чел. (2,3%), колеблющийся – 59 чел. (11,2%).

Обсуждение результатов исследования

Что такое добровольная бездетность? Какова мотивация нежелания иметь детей? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо отметить, что в общественном сознании складывается ошибочное мнение, что в основном мужчины не хотят иметь детей. Как правило, среди мужчин встречаются те, которые по тем или иным причинам не готовы стать родителями. И аргументами для такого типа демографического поведения для мужского населения чаще всего выступают низкий уровень доходов, отсутствие жилья, возраст, в определенной степени эгоизм – «хочу пожить для себя». В отношении женщин рассмотрение добровольной бездетности позволяет выделить следующие категории «1) женщины, способные иметь детей, но не желающие этого делать; 2) женщины, способные стать матерью, но отдавшие предпочтение стерилизации; 3) взрослые женщины, которые в более молодом возрасте могли стать матерью, но не захотели», хотя имеют место «*временно бездетные*» и «*недобровольно бездетные*» (Романова, 2014, 91).

Прежде чем изложить результаты авторского опроса, хотелось бы отметить, что С.М. Вильданова и ее коллеги провели исследование чайлдфри среди респондентов, которым ближе идеи добровольной бездетности. На основе полученного материала они пришли к выводу, что «основная часть движения концентрируется в интернет-пространстве; нелюбовь к детям – не единственная причина принятия идеологии чайлдфри, сторонникам движения комфортно быть свободными и находиться в среде своих единомышленников; чайлдфри вступило в стадию идеологической борьбы с системой традиционных ценностей» (Вильданова и др., 2017, 198).

С целью выяснения отношения дагестанского населения к добровольной бездетности был задан вопрос «Как вы относитесь к супругам, которые добровольно ориентированы на бездетность?». Результаты опроса показывают доминирование негативной оценки такой установки в общественном сознании опрошенного дагестанского населения с доводом «в семье обязательно должны быть дети» (35,3%). Анализ по гендерной принадлежности показал, что придерживающихся отрицательного отношения больше среди мужчин, чем среди женщин, – 40,6 и 33,7% соответственно. Обращает на себя внимание, что на формирование отношения к добровольной бездетности влияет семейный статус респондентов: так, в подмассиве связанных семейными узами больше доля недопускающих сознательный отказ от детей; доля таковых среди разведенных составляет 31,4%, и с разницей в сотые – среди не состоящих в браке (31,8%). Анализ через отношение к религии показывает, что среди позиционирующих себя как верующих доля противников чайлдфри в два раза больше в сравнении с неверующими – 37,1 и 18,2% соответственно.

Положительно оценивают добровольную бездетность 30,4% респондентов, среди них в два раза больше женщин (34,2%) по сравнению с мужчинами (18,8%). Следует отметить, что доля разделяющих данную позицию уменьшается с возрастом с 48,9% в интервале 18–25 лет до 14,3% у представителей возрастной когорты старше 50 лет. В чем причина позитивного восприятия чайлдфри молодым поколением дагестанцев? Видимо, в том, что «типичный молодой человек находится в плену антисемейного информационного контента, формирующего моду на внесемейный образ жизни» (Носкова, 2012, 67). Такая же картина прослеживается и по семейному положению: позитивно относящихся к бездетности больше в подгруппе разведенных (50%) и не состоящих в браке (42,4%) и существенно меньше среди связанных брачными узами (24%). Далее,

18,7% респондентов по всему массиву осуждают такой тип демографического поведения, таковых больше среди мужчин (25%) в противовес 16,7% женщин, состоящих в браке (22,9%) против разведенных (11,4%) и не связанных узами брака (7,1%). Анализ через призму отношения к религии показывает, что в подмассиве данный вариант разделяют 36,4%, среди верующих и колеблющихся таковых меньше – 19% и 22,7%, соответственно. Одна восьмая часть опрошенного дагестанского населения аргументом оправдания чайлдфри считает страх и неуверенность в будущем, вызванные отсутствием необходимой инфраструктуры. Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что среди молодежи превалирует доля разделяющих данное суждение – 18,5% в возрасте 18–25 лет и 16,9% в интервале 26–35 лет, а также среди семейных пар (14,6%).

Выявление отношения к чайлдфри предполагает установление демографического поведения женщины. Результаты ответов на вопрос «Как вы думаете, должна ли каждая женщина стать матерью?» показывают, что, по мнению опрошенного населения, материнство обязательно, но при существенном уточнении: «если состояние здоровья позволяет женщине иметь детей» (55,2%). По гендерной принадлежности: важность физического здоровья подчеркнули 62,5% мужчин; женщин заметно меньше (52,9%). Наблюдается различие по семейному положению: придерживающихся данного суждения больше в подмассиве разведенных (61,4%), и можно предположить, что отсутствие детей явилось причиной распада семьи, хотя и среди состоящих и не состоящих в браке доля таковых также существенная – 57,7 и 40,1%, соответственно. При этом важность уважения женщины и модели ее демографического поведения прослеживается через суждение «нет, так как это личный выбор каждой женщины, нельзя «заставлять» женщину иметь детей, если она этого не хочет» (26,3% по всему массиву). Естественно, что среди женщин (28,2%) больше подчеркивающих необходимость учета мнения супруги (женщины) по сравнению с мужской подгруппой (20,3%). Анализ ответов по семейному положению респондентов свидетельствует об отличиях внутри подгрупп: 23,7% находящихся в брачном союзе, 22,9% разведенных и заметно большая часть не состоящих в браке (38,8%).

Существование в обществе проблем брошенных детей, детей, воспитывающихся в детских домах, убийства нежелательных детей, детского насилия, вернее, агрессии и жестокости в отношении младенцев, и ряда других негативных тенденций в семейной сфере требует рассмотрения вопроса материнства под иным углом зрения. То есть вопрос в том, стоит ли поощрять рождаемость с целью улучшения демографической ситуации в стране, если государство в полной мере не способно обеспечить необходимые условия для детей – детские дошкольные учреждения, качественное медицинское обслуживание и т.д. Поэтому имеет право на существование мнение, что не каждая женщина обязана быть матерью. Как правило, нежелательная беременность или же подростковая беременность не всегда имеют позитивные последствия. Очень часто отсутствие помощи со стороны отца ребенка, психологическая незрелость, случайные брачные связи являются причинами убийства детей, причем наиболее беззащитных (младенцев). В связи с этим вполне оправданной является позиция «нет, лучше будет, если женщина не родит, чем будет рожать и оставлять детей на улице, убивать младенцев, отдавать в детдома», разделяемая 12,9% по всему массиву (по полу: 10,9% мужчин и 13,5% женщин). По социально-демографическому разрезу почти равные части в подмассивах по образованию, семейному положению, отношению к религии, возрасту придерживаются данного варианта ответа. Хотя по возрасту можно выделить подмассив старше 50 лет, среди которых меньше разделяющих эту позицию (7,1%).

Рассмотрение добровольной бездетности, выявление ее природы и причин закономерно ставят вопрос о влиянии данной модели семейного поведения на инсти-

тут в целом. Мы разделяем мнение, что «в нашей стране... произойдет разделение на приверженцев традиционной семьи и идей чайлдфри. Однако феномен не окажет значительного влияния на институт семьи, и последователей чайлдфри будет меньше, чем приверженцев традиционных ценностей. Большинству участников... чайлдфри видится лишь определенным этапом развития общества, молодежным течением, но не модой» (Вильданова и др., 2017, 199). Иными словами, обоснованным является утверждение Т.С. Тарасевич о том, что «потенциально многие молодые люди готовы принять традиционные для нашей культуры ценности, но они просто их не знают. Современная молодежь подвергается безальтернативному навязыванию антисемейных ценностей эгоцентризма, гедонизма, разврата и вседозволенности со стороны СМИ, желтой прессы, беллетристики и т.д.» (Тарасевич, 2014, 193).

Установление отношения дагестанского населения к добровольной бездетности логически требует выявления отношения к женщине, которая разделяет идеи добровольной бездетности. Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к женщинам, которые сознательно отказываются от детей?» показывают доминирование с большим перевесом осуждения добровольной бездетности (49,7%). Анализ по социально-демографическому разрезу свидетельствует, что в мужской подгруппе доля таковых больше (54%), чем в женской (48,1%); с возрастом увеличиваются процентные показатели подмассива негативно характеризующих такую установку: с 31,5% в возрастном интервале 18–25 лет до 65,3% в группе старше 50 лет. При этом можно констатировать различие по семейному статусу опрошенного населения: осуждают нежелание иметь детей 54,4% состоящих в браке, 45,7% разведенных и 31,8% не связанных брачными узами. Как известно, вероучение в отношении семьи и деторождения демонстрирует консерватизм, считая грехом искусственное прерывание беременности. Православная церковь неоднократно предпринимала попытки на государственном уровне запретить аборт. Так, по мнению патриарха Кирилла, «большой моральной проблемой является и наличие абортов в системе ОМС, и их финансирование из государственного бюджета. Он предложил стимулировать рождаемость с помощью пособий для беременных» (Патриарх Кирилл призвал запретить..., 2022). Решение не иметь детей в разрезе отношения к религии показывает, что осуждающих сознательную бездетность больше в подмассиве верующих (51,3%), среди неверующих таковых 36,4%, 22,7% среди колеблющихся. Одна треть по всему массиву затруднилась выразить свою позицию. Безразличие характерно для 10,2% по всему массиву; по признаку пола среди женщин придерживающихся данной позиции таковых больше (11,5% против 6,3% мужчин); по семейному статусу – 12,9% разведенных и 14,1% не состоящих в браке против 9,2% семейных. Вместе с тем 6% опрошенных по всему массиву «понимают» добровольную бездетность, с возрастом доля таковых снижается с 8,7% в возрасте 18–25 лет до 5,1% среди тех, кому за 50; среди верующих «понимающих чайлдфри» меньше в сравнении с неверующими и колеблющимися – 5,7%, 9% и 9,1% соответственно. Одобряет добровольную бездетность статистически незначимая часть респондентов (0,8% по всему массиву), среди них 1% женщин, 3,3% в возрастном интервале 18–25 лет и 1,4% разведенных.

Что способствует формированию в массовом сознании населения «одобрения» добровольной бездетности? По мнению А.В. Носковой, «поток “семейной грязи”, льющийся на неокрепшее сознание молодых людей, провоцирует чувство неприязни к семейному образу жизни. Но где же положительные примеры? Их почти не видно. Как альтернатива беспросветной семейной жизни в мягкой форме навязывается иной, свободный от семьи и детей образ жизни с его лозунгом “бери от жизни все” и со свободными сексуальными отношениями» (Носкова, 2012, 67). Таким образом, можно в полной мере согласиться с мнением А.И. Антонова, что «отказ от перефокусировки обще-

ства на семьецентризм как фундамент гуманизма приведет не только к ценностному вырождению и демографическому вымиранию отдельных наций, но и к дальнейшему хаосу общественно-экономической жизни, обусловленному активизацией реликтов радикально-либеральных и экстремистских деклараций» (Антонов, 2014, 74).

Заключение

Проблема добровольной бездетности является актуальной, причем из года в год только обостряется. Поэтому в западной и отечественной фамилистике она широко рассматривается, ибо реалии свидетельствуют о заметной трансформации демографического поведения населения. Как правило, уменьшение рождаемости имеет негативные последствия для любого государства, потому что ослабляется его экономический, научно-технический, военный, культурный потенциал. Особое место в ухудшении демографической ситуации играет чайлдфри, или добровольная бездетность, – сознательный выбор супружеской пары или одного из супругов не иметь детей. Мотивация бывает разной: от эгоистических принципов (желание вести праздный образ жизни, не обремененный теми или иными проблемами) до объективных причин, в частности нестабильности общества, страха и фрустрации. Авторский опрос по изучению типов демографического поведения дагестанских народов показывает превалирование в их общественном сознании отрицательного отношения к чайлдфри, доводов важности продолжения рода, вернее, рассмотрения в качестве основной цели семьи наличия детей. Кроме того, эмпирика показывает, что, несмотря на подчеркивание опрошенными приоритетности статуса матери, они одновременно подчеркивают важность уважительного отношения к выбранной женщиной модели демографического поведения. Авторская гипотеза о влиянии религиозного фактора, в данном случае мусульманского, на демографическое поведение дагестанского населения не подтверждается: респонденты независимо от ассоциации с вероисповеданием (верующий/неверующий) подчеркивают важность свободы личностного выбора женщины иметь детей исходя из состояния ее физического здоровья. При этом анализ материала в разрезе отношения к религии показывает, что заметная часть респондентов во всех подмассивах (одна треть) подчеркивает недопустимость «принуждения» женщины стать матерью, если она не планирует такой шаг, и выделяется здесь когорта, самоидентифицирующаяся как неверующие. Далее, конкретизация вопроса показывает существование в общественном сознании дагестанского населения отрицательной оценки приверженности женщин идее добровольной бездетности и осуждения такой формы семейного поведения. На порицание чайлдфри заметное влияние оказывает религиозный компонент: доля не одобряющих такую установку существенно больше в подгруппе самоидентифицирующихся как верующие. Решение демографического вопроса должно базироваться на пропаганде семейных ценностей, ценности детей и осуществлении семейной политики, направленной на внедрение в массовое сознание в качестве ключевой потребности семьи в продолжении рода, ценности материнства и родительства. Наряду с этим необходимо решать вопросы материального благосостояния семьи, обеспечить доступность учреждений дошкольного и школьного образования, содействовать решению жилищного вопроса молодой семьи, ибо ситуация, сложившаяся в демографической сфере, непростая и одними точечными действиями ее вряд ли возможно улучшить.

Литература

- Антонов, А.И. (1998). Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. М.: Nota Bene.
- Антонов, А.И. (2014). Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики. *Экономические стратегии*, 5(121), 68–74.

- Антонова, Ю.А. (2013). Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма. *Политическая лингвистика*, 2(3), 170–176.
- Архангельский, В.Н. (2015). Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности. *Социологические исследования*, 3, 56–64.
- Архангельский, В.Н. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования*, 2, 129–136.
- Бичарова, М.М., Морозова, О.В. (2016). Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей. *Глобальный научный потенциал. Психология и педагогика*, 12(69), 7–10.
- Верещагина, А.В. (2012). Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования. *Гуманитарий Юга России*, 4, 82–93.
- Верещагина, А.В. (2014). Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности. *Социологическая наука и социальная практика*, 3(7), 47–59.
- Верещагина, А.В. (2016). Молодая семья в России в условиях демографического кризиса. М.: РУСАЙНС.
- Вильданова, С.М., Граничная, А.А., Мингалиева, А.Р., Салыхиева, Л.М. (2017). Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, 192–205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13.
- Вишневский, А.Г. (2006). Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство.
- Голод, С.И. (1996). Современная семья: плюрализм моделей. *Социологический журнал*, 3/4, 99–108.
- Голод, С.И. (2008) Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. *Социологические исследования*, 1, 40–49.
- Григорьева, Н.С., Дюпра-Куштанова, В.А., Чубарова, Т.В., Яковлева, И.В. (2012). Брачность и родительство в контексте эволюции современной семьи: обзор международных исследований. *Государственное управление. Электронный вестник*, 35, 1–22.
- Грицай, Л.А. (2013). Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри». *Культура и образование*, 2. С. 1–12.
- Исупова, О.Г. (2010). «Чайлдфри», или Добровольная бездетность. *Демоскоп Weekly*, 427–428.
- Казачихина, М.В. (2014). «Чайлдфри как одна из форм современной семьи». *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*, 3, 10–14.
- Клупт, М.А. (2014). Парадигмы и оппозиции современной демографии. *Демографическое обозрение*, 1/1, 34–56.
- Лактюхина, Е.Г., Антонов, Г.В. (2015). «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XVIII, 4 (81), 82–95.
- Носкова, А.В. (2012). Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости. *Социологические исследования*, 8, 60–71.
- Полутова, М.А., Жанбаз, О.О. (2015). Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 1(116), 89–98.
- Романова, И.В. (2014). Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 12 (115), 89–97.
- Тарасевич, Т.С. (2014). Динамика демографических процессов: причины депопуляции. *Христианское чтение*, 1, 183–196.
- Chancey, L. (2009). Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950–2000. *Journal of Family History*, 34/2, 206–223.
- Moore, J., Kienzle, J., Flood Grady, E. (2015). Discursive struggles of tradition and nontradition in the retrospective accounts of married couples who cohabited before engagement. *Journal of Family Communication*, 15, 95–112.
- Veevers, J.E. (1980). *Childless by choice*. Toronto: Butterworth.
- Исследование: почти половина россиян от 18 до 45 лет не хотят заводить детей. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9598459>.
- Патриарх Кирилл призвал запретить аборт в частных клиниках. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2022/6283b4939a79470a2663a4c5>.
- Проект закона о запрете пропаганды чайлдфри среди детей внесли в Госдуму. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/02/27/childfree/>.

References

- Antonov, A.I. (1998). *Microsociology of the family: methodology of research of structures and processes*. Moscow: Nota Bene.
- Antonov, A.I. (2014). Modern trends in family childhood and the goals of family demographic policy. *Economic Strategies*, 5(121), 68–74.
- Antonova, Yu.A. (2013). Communicative strategies in texts representing the ideology of childfree: on the verge of extremism. *Political Linguistics*, 2(3), 170–176.
- Arkhangelsky, V.N. (2015). Assistance to families with children in Russia: assessment of demographic effectiveness. *Sociological Research*, 3, 56–64.
- Arkhangelsky, V.N. (2013). Reproductive and mating behavior. *Sociological Research*, 2, 129–136.

- Bicharova, M.M., Morozova, O.V. (2016). Childfree ideology and its influence on the modern system of family values. *Global scientific potential. Psychology and Pedagogy*, 12(69), 7–10.
- Chancey, L. (2009). Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950–2000. *Journal of Family History*, 34/2, 206–223.
- Golod, S.I. (1996). Modern family: pluralism of models. *Sociological Journal*, 3/4, 99–108.
- Golod, S.I. (2008). Socio-demographic analysis of the state and evolution of the family. *Sociological Research*, 1, 40–49.
- Grigorieva, N.S., Dupra-Kushtanina, V.A., Chubarova, T.V., Yakovleva, I.V. (2012). Marriage and parenthood in the context of the evolution of the modern family: a review of international studies. *Public administration. Electronic Bulletin*, 35, 1–22.
- Gritsai, L.A. (2013). Some aspects of the scientific study of the phenomenon of «childfree». *Culture and education*, 2, 1–12.
- Kazachikhina, M.V. (2014). Childfree as one of the forms of the modern family. *Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science*, 3, 10–14.
- Klupt, M.A. (2014). Paradigms and oppositions of modern demography. *Demographic Review*, 1/1, 34–56.
- Laktyukhina, E.G., Antonov, G.V. (2015). «We just live together»: cohabitation in modern Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XVIII, 4 (81), 82–95.
- Moore, J., Kienzle, J., Flood Grady, E. (2015). Discursive struggles of tradition and nontradition in the retrospective accounts of married couples who cohabited before engagement. *Journal of Family Communication*, 15, 95–112.
- Noskova, A.V. (2012). Social aspects of solving the demographic problem of low fertility. *Sociological Research*, 8, 60–71.
- Polutova, M.A., Zhanbaz, O.O. (2015). Value and motivational attitudes of the childfree community from the standpoint of postmodernism. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 1(116), 89–98.
- Romanova, I.V. (2014). Childfree in the context of transformation of family relations. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 12 (115), 89–97.
- Tarasevich, T.S. (2014). Dynamics of demographic processes: causes of depopulation. *Christian Reading*, 1, 183–196.
- Vereshchagina, A.V. (2012). Institutional changes in the family sphere and demographic prospects of Russia: methodological matrix of the study. *Humanities of the South of Russia*, 4, 82–93.
- Vereshchagina, A.V. (2014). Interethnic family in the North Caucasus in the context of the new Russian civilizational reality. *Sociological Science and Social Practice*, 3(7), 47–59.
- Vereshchagina, A.V. (2016). A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: RUSAINS.
- Veevers, J. E. (1980). Childless by choice. Toronto: Butterworth.
- Vildanova, S.M., Borzhnaya, A.A., Mingalieva, A.R., Salakhieva, L.M. (2017). Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the family institution. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 192–205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13.
- Vishnevsky, A.G. (2006). Demographic modernization of Russia: 1900–2000. Moscow: New Publishing House.
- A draft law banning childfree propaganda among children has been submitted to the State Duma. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/02/27/childfree/>.
- Isupova, O.G. (2010). «Childfree», or voluntary childlessness. *Demoscope Weekly*, 427–428. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php>.
- Patriarch Kirill called for banning abortions in private clinics. Available at: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2022/6283b4939a79470a2663a4c5>.
- Research: almost half of Russians aged 18 to 45 do not want to have children. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/9598459>.

Дата получения рукописи: 04.03.2023

Дата окончания рецензирования: 10.04.2023

Дата принятия к публикации: 12.04.2023

Информация об авторе

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zagirova Elvira Makhachevna – Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

The author has no conflicts of interests to declare